

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ В ЯЗЫКЕ „КАЗАНЬЯ” М. СМОТРИЦКОГО

Л. В. ЯСЮЛЕВИЧ

Среди жанров, распространенных в Юго-Западной Руси, которые испытали явное воздействие польских образцов, были погребальные „Казанья” („Слова”) и „Ляменты” („Плачи”). Они произносились и писались в связи со смертью известных магнатов или церковнослужителей.

М. Смотрицкий, автор „Казанья на честный погреб отца Леонтия Карповича”¹, изданного в Вильне (Вильносе) в 1620 г. на „русской мове” („простой мове”)², одним из первых в православной агиографии последовал примеру католической торжественной проповеди. Ориентацию староукраинской и старобелорусской ораторско-проповеднической прозы на латино-польские произведения М. Смотрицкий подтвердил в „Экзетезие” (1629 г.): „Если бы не римские поучения, не поспешил бы на кафедру оратор и не имел бы чем разудивить всех софист. Целый Бессия, который научает тебя произносить с кафедры. Один на кафедру с Оссорием, другой с Фабрицием, третий со Скаргою, а иные с другими проповедниками римской церкви” [Пекарский, без года издания, с. 572].

Авторы произведений на „простой мове”, следуя жанру и законам католической проповеди, а также отдавая дань распространявшемуся на Западе стилю барокко, нередко прибегали к риторическим украшениям и символическим; в построении предложений чувствовалось сильное влияние латинского и польского синтаксиса. Язык „Казанья” М. Смотрицкого также изобилует эпитетами, метафорами, развернутыми сравнениями, придающими произведению торжественный характер. Предложение у М. Смотрицкого чаще всего представляет собой сложную конструкцию с обязательными однородными членами, причастными и деепричастными оборотами, множеством придаточных

¹ М. Смотрицкий пишет „Казанье” как преемник дела и идей Л. Карповича на посту архимандрита Виленского монастыря Святого Духа. Л. Карповичу посвящено также поэтическое произведение — „Лямент... на предъявление Леонтия Карповича”, как полагают, плод коллективного труда преподавателей и учеников Виленской братской школы.

² По свидетельству В. Витковского, „Казанье” является переводом с польского текста, изданного параллельно [Витковский, 1969, с. 6]. Существование польского варианта подтверждает также А. Журевский [Журевский, 1967, с. 293].

предложений, которые разрываются уточнениями, цитатами из церковных книг и под.

Особенности синтаксиса панегириков требовали, по всей видимости, особой строгости в выборе грамматических форм. Их многообразие и вариативность в „простой мове“ вызывали необходимость их отбора, унификации, а также выработки правил их использования в выразительных целях.

В проповеди М. Смотрицкого нет уже таких колебаний в применении графических средств, какие наблюдались в переведенном им „Евангелии Учительном“ Каллиста (1816 г.); употребление вариантных графем, обозначающих один звук, подчинено определенным правилам, а на графику возложена особая функциональная нагрузка как показателя отдельных морфологических форм.

В языке „Казанья“ М. Смотрицкий соблюдает некоторые положения из „Увещаний“ и „Правил орфографии“, рекомендованные им в только что вышедшей „Грамматике Словенския Правилное Синтогма“ [Евье, 1819 г.], которая не могла не оказать влияния и на его представления об орфографических нормах „простой мовы“:

„Но оставлены от древних, по нужде и мы оставихом. е и ѿ, различуют: оному в подобных падежах множественным, оному же единственным служащу... Тожде хранимо ест различие между о и ѿ“³.

Действительно, по нашим наблюдениям, графемы о и ѿ, е и ѿ широко представлены в языке „Казанья“ в функции определителей форм Т. п. ед. ч. и Д. п. мн. ч. имен существительных м. р.

„Животомъ житѣйскимъ брьдѣтисѦ мавмо...“ (37)⁴;

„...обывателемъ былъ значнымъ“ (39);

„...не толко вамъ Православнымъ науки (ѿ притомнымъ Слѣхачымъ, аля и самимъ йновѣрцѣмъ не ѣсть невѣдомо“ (46);

„...а зъ посуженѣмъ своеѣмъ до Бжеи службы лѣннѣства, побожнымъ стѣѣмъ свѣмъ мужа подвижмъ дивюсѦ“ (47).

В именах прилагательных, причастиях и местоимениях, как это принято в „Грамматике“, сохраняется графическое различие совпадающих форм Р. и В. п. слов м. р. ед. ч. с помощью букв о и ѿ:

„...и ѿ (ѿ добродѣствахъ медѣтѣцѣ, вѣ оую ИзстпленѦ смерть порываючи (ѿ, каковы ѿшлымъ ѿ ѿ шъ сѣвѣ чинилѦ“ (47);

„Посредъ ѿлогѣмъ вѣвѣмъ днѦ, какъ мѣвѣтъ, Мужъ сѣй вѣсъ бѣгъ живота своеѣмъ провадилѦ“ (44);

„А мы тебѣ Бога нашего, Б ѿга въ Троици ѿдиноѣ, ѿца и Сына и свѣтого Дѣха...“ (66).

Необходимость строгого разграничения форм имен прилагательных,

³Цитируется по факсимильному изданию „Грамматики“ с нумерацией по тетрадам.

⁴Ссылки здесь и далее даются по изданию С. И. Мяслова „Казанье Мелетия Смотрицкого на честный погреб о. Леонтия Карповича“. Киев, 1908.

причастий и неличных местоимений вызвана отчасти наличием омонимических падежных форм имен существительных. Флексии определенным при совпадении форм имен существительных являются квалификатором падежного значения: *преса́дто́го* и *живото́ра* *А́щого́ Духа* (29) и *сугубого́ духа* (29) — Р. и В. п. имен м. р. ед. ч.; *том* *немы́шлюю оу́бности* (28) и *нездо́лности* *моєй* (29) — Р. и Д. п. имен ж. р.

Графемы *ш* и *о* используются также как средство дифференциации наречий на *-о* в их синтаксической функции обстоятельства и кратких прилагательных среднего рода в роли именной части сказуемого:

„...до до́соно́лности живо́ть лю́дский спѣшнѣ и легкѣ прова́дАчей ... до згубы вѣчно́й скорѣ и бѣднѣ прова́дАчей“ (37);

„Росказа́не сво́ Бо́жие чѣсто́му сему | ерѣви такѣ до́бре пѣмѣтно́ было“ (44);

„...знаѣть наконѣць и все Вѣлно, которое цноть (гѣ тыхъ полне“ (44).

Стремление М. Смотрицкого к графическому разграничению грамматических форм вызвало, по-видимому, сохранение родовых различий в совершенных формах 3 л. мн. ч. Окончание *-ы* в некоторых формах совершенного нельзя рассматривать как случаи употребления *-ы* вместо *-и*, характерные для украинского языка, ср., например: [Журавский, 1987, с. 283]:

„Такъ оумирали Проро́кове бо́гий, Гды въ розмаитѣй видѣнѣ́ приходили“ (36);

„Правосла́вныи и | новѣрцы, ѡтщѣпѣнцы и Апостѣто́зе, ко́торыи ... оми́новати му́стыли...“ (50);

„...жа́днѣй трудо́сти ... не ѡтстра́шили...“ (46);

„щиро́сть, пра́ва и лю́бовь въ ду́ши (гѣ вѣчно́е собо́е ма́шканѣ оуслѣлы“ (43).

М. Смотрицкий, очерчивая в „Грамматике“ рамки языка литературного, предостерегает против отражения в письменности типично белорусских или украинских черт в позициях, важных для различения морфологических форм: „Блюсти к сим подобает и падежей в склонениях и времен в спряжениях окончания: ... ни *ѣ* вместо *ѣ* ни против, разве то и оно приимати могущих падежей; ни *ѣ* вместо и или *ы* вместо *и*, ни *обол* та впротив полагаати. Их же указы в падежах склонений и в наклонениях спряжений обящуют“.

На материале „Казенья“ можно наблюдать, что окончание основы *-ѣ* отличает формы 1 и 2 л. мн. ч. повелительного наклонения от форм настоящего (будущего простого) времени изъявительного наклонения тех глаголов, у которых эти формы фактически совпадают. В данном случае к графическому противопоставлению добавляется п е р с т а н о в к а у д е р е н и я:

„А же́смо дѣлше́й зѣ нами живо́й прѣто́мности (гѣ, дѣлѣ́шего́ ду́ховного́ наше́го пожитку ... годны́ми не стали жалуймо и плѣчмо. А́ Гды́ Бѣга́ все́ (динѣду́шны, ю,кѣ́ Гдѣ́сна́ жѣтвы, прѣсе́мо, вѣбѣ онь...“ (53);

„Простѣ братѣ Гдѣ Бгѣ, абы менѣ дароваль {щѣ Церкви“ (49);
„Присмотрѣмо⁵а Пр: Хр^с: къ сей стой ... собѣ ... потому примо⁵а и тро⁵акой розницы хвалебной смерти... (39)“;

„Прирожоню разѣ толкѣ обходимо, а смерть грѣховную барзѣ частѣ“ (33);

„которою оумѣрши, има толкѣ тоѣ, жесмо живы, на собѣ носимо“ (33).

В подобных примерах вряд ли следует видеть влияние украинского языка, ср.: [Карский, 1966, с. 279].

Композиционно-синтаксическое построение большинства предложений „Казанья“ требует значительного отрыва подлежащего от сказуемого, которое всегда находится в конце фразы или предложения. При отдаленном и особенно при опущенном подлежащем сказуемое становится конкретизатором значения лица, без чего было бы затруднено понимание (в связи с особенностями нашего текста особо существенно различение форм 1 и 2 л. ед. ч.). Вполне оправданным представляется в таких случаях употребление в перфектных формах синтетических образований с элементами вспомогательного глагола *быти*, распространенных под влиянием польского языка во многих памятниках этого периода [Булыка, 1970, с. 232]: *поступиламъ* (28), *оставиламъ* (42), *защитилась*, *выслушалась*, *жесмо знали*, *жесмо волали* (55), *каториствася* тому *присмотрѣли* (44).

Такие синтетические образования — не дань моде и не случайное заимствование. Последовательность в их употреблении свидетельствует о том, что они использованы в случаях, когда необходимо противопоставить грамматические формы „простой мовы“ и церковнославянского языка.

При поддержке польского языка употребляется также окончание *-ове (-еве)* в И. п. мн. ч. имен существительных — названий лиц мужского пола. Формы слов с окончанием *-ове (-еве)* позволяют разграничить субъект и объект в предложении:

„А какъ живють Смыслѣвъ живють Сарданапѣлевъ и Епѣкурова свѣта сегѣ и телѣсниковѣ...“ (35);

„Сему животови въпротивъ становитьсѣ смерть Изступленѣа, котораѣа родити звыкле Богомыслиники, мужи Аггл^скогѣ живота...“ (36).

Стремление М. Смотрицкого к такому рода дифференцированному и узкоспециализированному употреблению языковых средств замечается на всех уровнях языка. Например, в предложении акцентируется различие союза и союзного слова *что* с помощью лексем, которые не могут быть взаимозаменяемы: в функции местоимения и союзного слова выступает *што*, а в функции союза — *полонизм же*⁵:

⁵Ср., например, аналогичное употребление в польском языке *co* в роли вопросит. местоимения и *ze* в качестве союза. Заимствование из польского языка союза *же* для выражения дополнительных отношений поддерживалось использованием в древнерусской письменности частицы *же* и союзов *оже*, *иже*.

„...ставя́еца што́ль посполі́те, же што члѣкъ дочэсноу мы́сли своѣ́ радю собѣ́ обѣ́цуетъ, то добротли́вый Гдѣ́ Бгѣ́ прѣвѣ́чноу во́ли своѣ́ радю ну́цуетъ: а то што ѣ́му любо, ра́дить, вырокѣ́тъ, справѣ́тъ и кончи́тъ” (28);

„То́гѡ, што было́ за́гинуло, шука́ль: што было́ за́кинѣно нахо́диль...” (46);

„Арко́лвекъ несправедли́вый невразумѣ́вши што́бы мы́слиль ѡ то́бѣ́ Бгѣ́, же та́ скорѡ шъ́ насъ поволалъ” (51);

„...за́рить Всесилны́ Гдѣ́ Бгѣ́, за́рить нево́нѣпливе, же вмѣ́сто́ шца́ будѣ́тъ Слѡ́во” (54).

Наблюдения над языком „Казанья” показывают существование тенденции к упорядоченности его норм. „Проста мовѣ” возможно не отличалась строгим единообразием во всех памятниках; по справедливому замечанию П. Гумецкой, полностью единообразным во всех своих проявлениях может быть только литературный язык национального периода [Гумецкая, 1974, с. 82]. Тем не менее литературная форма „простой мовы” подчинялась своим законам, которые зависели не только от желаний и интенций писателей. Например, М. Смотрицкий обвинял автора „Апокрисиса” (1597 г.), Христофора Филалета, в недостаточном знании русского языка, см.: [Успенский, 1980, с. 83]. 1980, с. 83].

Следует заметить, что при исследовании произведений на „простой мове” ученые традиционно интересовались в основном отражением в памятнике отдельных украинских, белорусских или польских черт в фонетике и морфологии, а также реликтов церковнославянского языка, часто без анализа роли этих элементов в становлении нового письменного языка. Иногда больше внимания уделялось отклонениям, „замечательным случаям” (Е. Карский), чем закономерностям и нормам. Однако очевидно, что без изучения степени нормированности внутренней структуры книжно-литературного языка белорусов и украинцев на каждом этапе его существования, без отображения как своеобразия, так и норм языка произведений отдельных писателей невозможно выяснить сущность этого языка и пути его развития.

Уже исходя из анализа некоторых правил орфографии „Казанья”, можно отметить стабильность правописных норм в языке проповеди, стремление М. Смотрицкого к использованию графического разнообразия форм „простой мовы” для выражения строго определенных грамматических значений.

**ON THE DIFFERENTIATION OF GRAMMATICAL FORMS
IN THE SERMON BY M. SMOTRITSKY**

L. YASYULEVICH

Summary

In the paper an attempt is made to show the influence of the Old Church Slavonic grammar (1619) by M. Smotrisky on his notions about the orthographical norms of the "prosta move" language ("simple Russian" in the South-West). The analysis of some orthographical rules of the sermon ("Kazanie", 1620) proves that M. Smotrisky uses the principle of the graphical forms differentiation according to his grammar.

Complicated syntax of the sermon demands such differentiation for a more accurate definition of grammatical meanings for the sake of expressiveness.

ЛИТЕРАТУРА

Булыка, 1979 — Булыка А. М., Жураўскі, А. І., Кроўко І. І. Гістарычная марфалогія беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1979.

Витковский, 1969 — W i t k o w s k i W. Język utworów Joannicjusza Galatowskiego na tle języka rímiennictwa ukraińskiego XVII wieku. Kraków, 1969.

Гумецкая, 1974 — Г у м е ц к а я Л. Л. Из истории становления украинского литературного языка // Исследования по славянской филологии. М.: МГУ, 1974.

Журавский, 1967 — Ж у р а ў с к і А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1967. Т. 1.

Карский, 1966 — К а р с к и й Е. Ф. Язык белорусского народа // Белорусы. 2-е изд. М.: АН СССР, 1966. Т. 2, вып. 2.

Пекарский, без года издания — П е к а р с к и й П. Представители киевской учености в половине XVII столетия: Историко-литературные очерки // Отечественные записки. Т. СХІ—СХІІ. Отд. оттиск.

Смотрицкий, 1619 — М е л е т і й С м о т р и ц ь к и й. Граматика: Факсимильное издание Грамматики 1619 г. Київ, 1979.

Успенский, 1983 — У с п е н с к и й Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М.: МГУ, 1983.

Вильнюсский университет
Кафедра русского языка

Январь, 1990